

ГОРОД И ЕГО ПРОСТРАНСТВО: ПОПЫТКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗМЕРЕНИЯ

Т.А. Булыгина

Аннотация. В статье рассмотрены новые направления изучения истории города в рамках междисциплинарного подхода. Особое внимание уделено анализу истории провинциального города в контексте «новой локальной истории». Рассмотрены соотношение понятий «город» и городское пространство» и пути изучения городского пространства в категориях микроистории, семиотики, имагологии. Автор остановился на характеристике городского семиотического пространства, включая такие категории, как центр, окраина, их движение относительно друг друга не только в территориально-ландшафтном, но и в историческом контексте, а также смена символов в смещении эпох. На примере города Ставрополя показана эволюция городского пространства, начиная от крепости Азово-Моздокской оборонительной линии. Автором продемонстрирована трансформация городского центра, которая отражала смену временных контекстов. Проанализировано семиотическое городское пространство Ставрополя и представлены основные места памяти. В целом статья формирует комплексное представление о поле городской истории, а также намечает перспективы изучения намеченной проблемы в контексте компаративного источниковедения и кроссдисциплинарных исследований. В таком случае необходимы усилия ученых-урбанистов разной направленности, которые при взаимодействии могут вывести историю городов на новый уровень изучения.

Ключевые слова: город, городское пространство, историческая урбанистика, «новая городская история», городская символика, горожане, локальные сообщества, междисциплинарность, семиотика, образы города.

CITY AND ITS SPACE: ATTEMPT HISTORICAL DIMENSION

T.A. Bulygina

Abstract. The author considers new research directions of urban history in the framework of the interdisciplinary approach. Particular attention is paid to the analysis of history of provincial city in the context of «new local history». The relationship between the concepts of «city» and «urban space» are considered. The article deals ways of studying urban space in the categories of microhistory, semiotics, and imagology. The author dwelled on the characteristics of urban semiotic space, including such categories as «center», «urban fringe», their movement relative in the territorially-landscape and the historical contexts, as well as change of symbols in the displacement of the epochs. The example of Stavropol shows the evolution of urban space, beginning from the fortress of the Azov-Mozdok defensive line. The author demonstrates process of transformation of the urban center, which reflected the change of the historical time contexts. The semiotic urban space of Stavropol is analyzed and the main places of memory are presented. In general, this article forms a rich picture of the field of urban history, and outlines the prospects for studying the problem in the context of comparative source study and cross-disciplinary research. In this case, the attempts of urban scientists of different orientations are needed, because they can bring urban studies to a new research level.

Keywords: city, urban space, historical urban studies, «new urban history», urban symbols, urban residents, local society, interdisciplinarity, semiotics, images of city.

Понятие «город» многомерно и потому, может быть, является благодатным объектом междисциплинарного изучения. В мировой историографии исследование города в новых методологических парадигмах стало наиболее интенсивным в середине XX в. [Бродель, 1986–1992; Ле Гофф, 1992]. До этого времени город был предметом изучения историков как конкретная социальная единица, а позже историки следом за социологами стали рассматривать его как элемент, инструмент и даже систему социокультурных процессов. Как считал А.В. Иконников, создание города относится к процессу создания того, что мы называем «второй природой», т. е. культуры. Планируя предметный мир, человек вместе с ним планирует свое социальное и личное бытование. Эволюция города – это не только его структурные изменения, внешний облик и экономические характеристики, «это прежде всего изменение человека и его образа жизни, его духовного мира» [Город ... 2001, с. 9].

Классические исследования по истории российских городов занимали значительную нишу в дореволюционной [Дитятин, 1875–1877; Кизеветтер, 1917] и в советской историографии [Тихомиров, 1956; Рыдзюнский, 1958; Левицкий, 1960; Кабузан, 1971; Рабинович, 1978]. В 1920-е гг. исследователями российской истории была предпринята попытка рассмотреть историю города в контексте социокультурных представлений [Анциферов, 1991]. На рубеже 1990-х – 2000-х гг. отечественная историография по ряду известных обстоятельств получила мощный импульс для разработки новых подходов к изучению истории города [Город ... 2001; Куприянов, 2007]. Речь идет в том числе о формировании таких направлений, как новая культурная и новая интеллектуальная истории, новая социальная история, породившая «новую городскую историю» – *urban history* [Бессмертный, 1990; Репина, 1998; Румянцева, 1999]. Именно в рамках этого последнего направления междисциплинарность как принцип исторического анализа нашла свое наиболее полное отражение. Как отмечал Эйза Бриггс, весьма плодотворным для исторического исследования города может стать заимствование концепций урбан-социологии [Бриггс, 2006]. В междисциплинарном пространстве исторической науки последние годы рождаются не только новые принципы, методы и приемы изучения города, но и новые исследовательские проблемы и понятия. Одно из таких понятий/проблем определено уже в заголовке статьи. Мы имеем в виду *urban history*, рассматривающую социокультурные подходы к истории города, включая соотношение города и городского пространства в семиотическом, культурном, микроисторическом аспектах, а также в контексте повседневных городских практик и городских локальных микросообществ.

Разумеется, в обширном междисциплинарном поле исследований города и его пространства возникают всё новые и новые направления, которые связаны с той или иной более обширной теорией исторического процесса. В частности, А.С. Сенявский строит направление исторической урбанистики на основе формационного анализа и концепции модернизации [Сенявский, 2003, с. 32]. Он рассматривает урбанизационный процесс в России XX в. сквозь призму перехода от сельского к городскому обществу, который обусловил все экономические и социокультурные изменения российского общества. Автор считает, что вся современная

история есть по большому счету *«переход человечества от сельского к городскому обществу»* [Сенявский, 2003, с. 39]. В данном случае наиболее плодотворным для анализа городской истории России представляется выделение «протоурбанизации» и «урбанизационного перехода». В первом случае имеется в виду урбанизация как городское освоение колонизованных и исконно русских земель, т. е. распространение городских территорий в традиционном обществе [Сенявский, 2003, с. 49]. Во втором случае речь идет о переходе накопленных урбанизационных изменений в новое качество, что превратило урбанизацию в мощный исторический вызов российскому обществу [Сенявский, 2003, с. 5].

Как бы то ни было, являясь формой расселения человеческих сообществ, город, как определение, сформировался в первую очередь из противопоставления городского поселения людей сельскому месту человеческого проживания, а также из функций системы управления обществом, из критерия населенности. Если говорить о признаках города, то его характеристики многообразны во времени и пространстве. Отсюда и определение города зависит от национальных геополитических исторических факторов. Классификация городов по численности, по типу функционирования, по социальной структуре, по историческим традициям ярко демонстрирует это многообразие. Мы знаем моногорода, столицы, провинциальные города. Мы говорим о «студенческом», «рабочем», «чиновничьем» городе, о «городе нищих» и «городе миллионеров». Жители гордятся своим древним городом, другие молодостью своего города. Есть города, построенные колонистами, есть исконно автохтонные города.

Многообразие проявляется и в системном характере городского поселения. Как сложная система город включает в себя самые разнообразные элементы – экономику, политику, социум, культуру, природу, которые составляют городские подсистемы. Именно это является пересечением и сходством понятий «город» и «городское пространство». Вначале общими признаками понятия «городское пространство» были форма города и его размеры. Таким образом, городское пространство как термин первоначально было связано с землей, территорией и ее конфигурацией, в отличие от термина «город», связанного первоначально с населением, обществом. Планирование, распределение и функционирование городской территории со временем расширили понятие городского пространства. Территория наполнялась хозяйственной, коммунальной, политической, творческой деятельностью горожан. Выработывались более или менее общие религиозные, коммуникативные, семейные, межличностные, досуговые практики жителей. Появились социальные структуры, более или менее устойчивые социальные структуры, социальные лифты. Все это создавало сложное пересечение материальных, социальных, духовных структур, обогащавшее наполнение городского пространства и усложнявшее его содержание.

Так городское пространство от обозначения формы города и его размеров выросло до выразителя социокультурной среды городских обитателей, до сложной совокупности локальных сообществ, объединенных единой социокультурной системой.

Наряду с этим городским единством городское пространство таит в себе противоречия и конфликты: центр и окраины, нищета и богатство, конфликт поколений, творческое сообщество и бюрократия и т. д. В этом направлении у исследователей городской истории появляется новый взгляд на традиционные подходы, связанный с принципами «новой локальной истории». Город представлял собой городское локальное сообщество в национальной и мировой истории, внутри которого развивалась жизнь множества локальных сообществ – от семьи до корпорации и прихода, от дома до улицы и района. Все эти локусы сопровождались созданием как общегородской символики, так и символов этого микросообщества, будь то герб города или его архитектура, одежда или организация праздника.

В рамках «новой локальной истории» ее сторонники выделяют социокультурный подход и контекстность исторического анализа. В полной мере это относится и к изучению истории города. С одной стороны, контекстность помогает историкам не ограничиваться историей отдельного города как локального сообщества, но понять город как часть национальной идентичности и одновременно его причастность к мировой культуре. История города в таком случае включает в себя и эволюцию структуры городского пространства, сопровождавшуюся изменениями в образах этого пространства. Эти изменения предполагают также изменения пространственной структуры как места общего локуса горожан и одновременно как совокупности мест формирования локальных сообществ, составляющих городское сообщество.

Примером может служить эволюция городского центра и его символов. Формирование городского центра зависит от истории рождения конкретного города, от характера эпохи, от национальных традиций и от прагматических задач управления и интересов наиболее влиятельных горожан. Именно эти обстоятельства могут стать двигателем территориального перемещения центра. Так, города Северного Кавказа возникали в рамках завоевания, освоения и присоединения Северо-Кавказского региона к Российской империи. Поэтому городской центр, как правило, был связан с крепостью, куда тянулись жители слободы. Здесь концентрировались места управления, торговля, а затем и культурно-образовательные объекты. Однако самым важным имперским символом были центры православия – городские храмы. В таких южных городах, которые выросли из крепостей Азово-Моздокской оборонительной линии, вначале смещение центра поселения шло от крепости в слободу. В крепости находились вначале военная администрация и офицерские дома. К примеру, в июне 1803 г. опись городничего И. Зервальда включала «в натуре крепости» казначейство, покои уездного и земского судов, соляной магазин [ГАСК, ф. 128, оп. 1, д. 47, л. 22–25]. В крепости в 1778 г. построили 13 домов для штаб- и обер-офицеров [Ставрополь ... 2007, с. 52].

Уже в 1824 г., когда крепость и уездный город был преобразован в областной и туда переехал командующий линией, центр города существенно расширился за пределы крепости, и предметное обозначение городского центра менялось. На смену военным зданиям как знакового центра города и крепости одновременно пришел административный центр непосредственно вблизи крепости, Дом и резиденция

командующего переместились юго-западнее крепости и наметили границы между Центром и окраиной. Позже, к началу XX в. эти границы раздвинулись за счет разрастания Верхнего рынка вблизи ярморочной Александровской площади, постройки здания музея с лабазами в первом этаже, открытием второй аптеки Байгера. Происходило как бы уравновешение расширения двух центров. Внизу по границе центра располагалась первая аптека Байгера, вверху – вторая, внизу – Нижний, вверху – Верхний базары, внизу Ярморочная, вверху Александровская площадь. В центре центра, на Соборной горке располагался собор Казанской Божьей Матери – покровительницы города и дом губернатора, а по нижним границам старейшие Успенская и Армянская церкви. В нижней границе находились архиерейское подворье и Андреевская церковь, а в центре – театр и Воронцовский сад.

В начале XX в. конфигурация ставропольского центра стала активно меняться. Городская символика, безусловно, отражала его уникальность, однако в ней были заложены национальные и временные контексты. Так, в условиях научно-технического переворота, ознаменовавшего вступление мира в новый век, даже в такой отдаленной южной окраине, каким был Северный Кавказ, в губернском городе Ставрополе появились технократические элементы. В центре была построена электростанция, а на восточной границе центра – завод Руднева и Шмидта и железнодорожный вокзал, который существенно ограничил расширение центра в этом направлении. Город и его центр стали постепенно развиваться на запад.

Семиотическое городское пространство включает в себя расположение улиц и их названия, места памяти, природные ландшафты, которые человек наполняет определенными смыслами. Таким природным ландшафтным символом города в Ставрополе была Соборная горка. Город имел также устоявшиеся его образы «верха» и «низа», предопределенные ландшафтными особенностями города на возвышенности. Характерно, что в таких же горных городах не всегда эти символы входят в обиход, о чем свидетельствует городское пространство Кавказских Минеральных Вод. Что касается мест памяти, то Ставрополь до 1917 г. не был богат памятниками. Его места памяти складывались скорее из знаменитых зданий – первый на Северном Кавказе театр, мужская гимназия, и природных явлений – Бабина роща, Кругленький лес, Корыта, городской бульвар на центральной улице. В советское время до 1956 г. главным местом памяти стал огромный по масштабам небольшого города памятник Сталину, который заменил главный символ дореволюционного Ставрополя – храм Казанской Божьей Матери. Такая замена сама по себе глубоко символична – городские знаки поменялись на национальные. Памятник жертвам Гражданской войны также был учрежден в городском центре, на месте крепости.

Когда размышляешь о переменах периода оттепели в этом городском региональном центре, приходишь к выводу, что их надо искать в городской символике. После тайного, ночью, сноса памятника Сталину, Комсомольская горка становится памятником жертвам Великой Отечественной войны в лице памятника над могилой генерала И. Апанасенко, а позже, в 1970-е гг., памятника Славы у подножья бывшей

Соборной, Комсомольской горки. Ресторан «Горка» означал поворот не только горожан, но и городской власти от официоза социальной жизни к частному досугу, который нисколько не противоречил памятнику герою войны.

Возведение фундаментального памятника Ленину на площади того же имени (бывшая Александровская), строительство Дома Советов и краевой библиотеки формировали новое центральное пространство города, куда вписывались новый стадион, старый парк, старые здания милиции и КГБ, старое здание краеведческого музея. Построение в середине 1960-х гг. нового здания театра и перенос его из нижней части города окончательно закрепили символику Ставрополя – краевого административного и культурного центра. Прежний центр вместе с домом губернатора и территорией крепости, прежним театром, ставшим филармонией, и первым театром, ставшим Домом офицеров, превратился в административный и культурный центр города. Оба центра как бы взаимопроникали друг в друга, расширяя символику центра в контексте создания в начале 1970-х гг. промышленной окраины на северо-западе и окраины жилых массивов на юго-западе.

Складывание городского пространства в определенной степени зависит и от его места в национальном пространстве. Так появляются такие понятия, как Центр и Окраина применительно к городам. При этом Центр является столицей/столицами, который включает сакральный локус притяжения и концентрации предметных и исторических символов ценностей и норм всего национального пространства и даже символику центра мирового или европейского пространства: Рим – центр мирового христианства, Париж – центр мировой моды, Мекка – центр мирового мусульманства, Англия – центр мировой демократии, что оспаривается сегодня Вашингтоном, и т. д. Город как Центр не обязательно означает особые свойства географического центра национального/мирового пространства, но и функциональные свойства, и историю создания города.

При этом надо учитывать, что географическое обозначение Центра, Севера, Юга, Востока и Запада может меняться с изменением эпохи. Так, Кавказ к началу XIX в. воспринимался как часть Азии=Востока, тогда как в XX в. Северный Кавказ стал южной частью европейской территории России, а затем СССР. Центр определяется также не столько геометрическим центром в национальной территории, сколько его географическими особенностями. К ним может относиться центр возвышенности, холмы, наоборот, плато среди гор. Главное, что эти геоландшафтные факторы приобретают особый смысл в сознании людей, т. е. тесно связаны с культурными факторами, среди которых не последнее место занимает образ города. Эта взаимообусловленность геоландшафтных и культурных особенностей города признают не только историки, но и современные географы [Каганский, 2008; 2009].

Столь же подвижным является понятие городского пространства как окраины. Здесь также широко используется географическая метафора – южная окраина, восточная окраина, западная окраина. Таким образом, мы наблюдаем связь городского пространства с региональными особенностями и соотношением с национальным

пространством, будь это Московская Русь, Российская империя, Советский Союз или Российская Федерация. Например, особенности расположения губернского города Ставрополя, отдаленность от центральной России, его принадлежность к региону Северного Кавказа включали город в понятие «окраина». Однако это была не просто окраина какого-то географического пространства. Это была южная окраина Российской империи, южный ее рубеж. Город Ставрополь, таким образом, становился символом могущества империи как ворота на Северный Кавказ, как российский символ покорения Кавказа.

Статус города определялся и его гербовой символикой. Наряду с гербовыми традициями старинных российских городов создавались гербы вновь созданных городских пространств. Это особенно характерно для колонизованных территорий. Не избежал этого и Ставрополь. Уже осенью 1839 г. в МВД поступил рапорт начальника Кавказской области П. Граббе с проектом герба города, который сочетал в себе на белом поле православный крест и лавровый венец, как военную и духовную победу в завоевании Кавказа, и на зеленом поле – колосья пшеницы как главного символа местной экономики [Ставрополь ... 2007, с. 47–48].

Нам представляется, что фактический материал для семиотической интерпретации города накопили краеведы и сотрудники учреждений архитектуры и общества памятников истории на местах, в частности паспорта памятников истории, культуры и архитектуры. Помимо зданий и памятников культурное пространство составляют фонды местных библиотек, учебные заведения, музейные экспонаты, включая экспозиции разных эпох, описание выставок и развлечений, фабрики, мастерские, заводы, коммунальное городское хозяйство. Всё это составляет материальное и семиотическое выражение городского пространства.

Самостоятельное направление городской истории составляет культурно-интеллектуальное пространство города наряду с хозяйственно-экономическим пространством. Именно в истории формирования и эволюции этих пространств заложена существенная специфика истории города, преобразовавшая мировые и национальные тенденции эпохи. Пересечение многообразных пространств в едином городском пространстве составляет сложную систему городской среды. Городская среда представляет комплекс многих объектов, которые формируют городское пространство, и взаимоотношений внутри этого пространства. Городская среда влияет не только на ежедневное поведение и мироощущение горожан, но и на фундаментальные процессы развития национального общества. Развитие городской среды затрагивает вопросы значимой хозяйственной и общественной жизни, прежде всего создание оптимальных условий для работы, творчества, повседневной жизни, досуга. Историческое изучение городской среды обогатило бы наши знания по городской истории.

На наш взгляд, недостаточно разработана история городского пространства малых и небольших городов. Именно здесь происходят наиболее разительные изменения городского общества, как под влиянием разных форм урбанизации, так и под

воздействием политических и экономических процессов как страны в целом, так и регионов, именно в городском пространстве реализуются на практике общие тенденции, именно здесь складывается социальная практика, призванная стать проблемой и бедствием или хранилищем традиций и инновационным потенциалом национального масштаба.

Не менее перспективна проблема истории города в контексте истории региона. Как влияет городское пространство (или не влияет) на регион, как влияет региональное пространство на состояние городских локусов. Здесь мы не ограничиваемся понятием сельской и городской культуры. Проблема сложнее и шире. Речь идет о специфике взаимодействия социокультурного пространства региона в целом, включая всю структуру региона, его этноконфессиональные, исторические, геополитические и хозяйственные особенности. Примером может служить городское пространство Ставрополя, где городские окраины вплоть до 1960-х гг. сохраняли сельскую устойчивость не только в образе жизни, но и в производственной основе функционирования городского пространства, о чем не раз уже писала автор этой статьи. В категориях пространства это проблема своеобразия влияния сельского как регионального пространства на город, которая ждет своего изучения.

Социокультурный подход, декларируемый «новой локальной историей», предполагает диалог не только между городскими сообществами, институтами, но и временной диалог между эпохами, что придает изучению города особое историческое звучание. Это также диалог источников прошлого города и современного историка. Этот диалог делает объектом внимания историка экологическую, социальную, духовную сферы городской жизни. Так город предстает перед нами созидательной, творческой силой, меняющей политические, хозяйственные, социокультурные отношения. Специфика города как пространства взаимодействия проявляется в особенностях городского образа жизни, в признаках влияния города на личность. Здесь мы сталкиваемся с востребованной в современной историографии проблемой повседневной жизни.

Именно повседневная городская история связана с особенностями и видами организации окружающего пространства и пространством конструирования идеальных образов мышления и поведения человека и его внешнего вида. Источниками этого процесса могут служить здания, планирование материального пространства, места памяти разных эпох, городская этнография, эволюция структуры пространства, куда входят улицы, переулки, площади и их названия. Окружающий мир формирует городскую повседневность, что придает ей актуальное звучание. Нам близко представление Н.Л. Пушкаревой, которая под историей повседневности подразумевает отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и профессиональных контекстах. В центре внимания истории повседневности, по ее мнению, лежит комплексное исследование образа жизни и его изменений у представителей разных социальных слоев, их поведения и эмоциональных реакций на жизненные события [Пушкарева, 2004, с. 3].

В нашем представлении перспективны также направления, связанные с антропологическим поворотом в исторической науке. С одной стороны, этим определяется активная роль личности в формировании городской среды. Так, позиция и личность губернаторов, их семьи, безусловно, влияли на облик города и его традиции. Еще один фактор, повлиявший на городскую историю – это ментальность его жителей, характеристика гостей города и старожилов. С другой стороны, персональная история горожан опредмечивает такие понятия, как «образ жизни», «социальные лифты», придает конкретное звучание стратегии выживания, жизни и смерти, любви и ненависти, оживляет абстрактную систему социальных отношений через межличностный диалог.

Наконец, антропологический, лингвистический и семиотический повороты соединились в едином образе города как субъективной картине городского мира, как результат восприятия в сознании сам их горожан, в представлениях иногородних, гостей, власти – местной и центральной и т. п. На этот образ влияют специфика личности и времени его восприятия, природа, архитектура, архетипы сознания, социальные и целевые факторы и проч. В результате мы видим, что картина мира складывается из системы символов, которые формируют смыслы городского пространства. Городское пространство может рассматриваться также как коммуникативное пространство, в котором создаются новые значения и intersубъективные смыслы. Город может изучаться как «текст», в том числе и исторический текст. Этот текст включает диалог, который предполагает дискурсивную практику, в которую входят речь, невербальные средства коммуникации, включающие материальные и социокультурные параметры пространства, социальные игры и т. д.

В историческом контексте интерес также представляет вопрос притягательности городского пространства. Не случайно и Ф. Достоевский, и А. Белый, и А. Ахматова, и Ю. Шевчук, и многие другие художники по-своему трактовали притяжение Петербурга. Если брать в целом, то город для селянина, а столицы для провинциала – это призрак подлинного счастья, идеального образа. Они планируют преобразовать не только свое материальное, но и культурное существование, реализовать возможности самовыражения. Большой город привлекателен своей инновационностью, социокультурной мобильностью, но рядом с ним существуют «местечки», в которых время остановилось. Это соотношение в разное время имело разные параметры и может быть понято только при историческом изучении.

Таким образом, исследовательское поле городской истории обширно и не ограничивается названными здесь вопросами. Как представляется, возможны и более обширные проекты в рамках компаративного источниковедения и кроссдисциплинарных исследований, которые под силу только группам специалистов в разных областях урбанистики, основанных на изучении комплексов синхронных и асинхронных источников разных городов, как объектов сравнения. Такое исследование при условии выработки корректных критериев сравнения, например, городов Юга, может быть посвящено любому из предложенных выше направлений или их совокупности, а это в свою очередь может открыть новый взгляд на историю городов и пути ее изучения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Ленинград: Сеятель, 1926. 151 с.
- Анциферов Н.П.* Непостижимый город... Сборник. СПб.: Лениздат, 1991. 335 с.
- Бессмертный Ю.Л.* Споры о главном. К итогам международного colloквиума «Школа "Анналов" вчера и сегодня» // *Новая и новейшая история*. 1990. № 6. С. 123–131.
- Бриггс Э., Клэвин П.* Европа Нового и Новейшего времени: с 1789 года и до наших дней. М.: Весь Мир, 2006. 600 с.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. М.: Прогресс, 1986–1992. 1945 с. (Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное.; Т. 2. Игры обмена; Т. 3. Время мира).
- Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики. М.: Наука, 2001. 392 с.
- Город как социокультурное явление исторического процесса / под ред. д.и.н. Э.В. Сайко. М.: Наука, 1995. 349 с.
- Город как феномен социокультурного развития // *Город в процессах исторических переходов. Теоретические аспекты и социокультурные характеристики*. М.: Наука, 2001. 392 с.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада... / общ. ред. Ю.Л. Бессмертного; послесл. А.Я. Гуревича. М.: Издательская группа Прогресс, Прогресс-Академия, 1992. 376 с.
- Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 128. Оп. 1. Д. 47.
- Дитятин И.И.* Устройство и управление городов России. Т. 1–2. СПб.: Тип. П.П. Меркульева, 1875–1877. Т. 1., 508 с., Т. 2., 565 с.
- Кабузан В.М.* Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). М.: Наука, 1971. 190 с.
- Каганский В.Л.* Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // *Обсерватория культуры*. 2009. № 1. С. 62–70.
- Каганский В.Л.* Культурный ландшафт (Материалы к словарю гуманитарной географии // *Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах* / отв. ред. И.И. Митин; сост. Д.Н. Замятин; авт. Белоусов С., Вахрушев В., Глушкова И. и др. Вып. 5. М.: Институт Наследия, 2008. С. 243–246.
- Кизеветтер А.А.* Местное самоуправление в России IX–XIX вв.: исторический очерк. Пг.: Задруга, 1917. 119 с.
- Куприянов А.И.* Городская культура русской провинции. Конец XVIII – первая половина XIX века. М.: Новый хронограф, 2007. 492 с.
- Левицкий Я.А.* Города и городское ремесло в Англии X–XII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 298 с.

- Пушкарева Н.Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // *Этнографическое обозрение*. 2004. № 5. С. 3–19.
- Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города: горожане, их общественный и домашний быт. М.: Наука, 1978. 328 с.
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. 278 с.
- Румянцева М.Ф. Урбанизация как проблема сравнительно-исторического исследования: методологические аспекты феноменологического подхода // *Урбанизация в формировании социокультурного пространства*. М.: Наука, 1999. С. 57–69.
- Рыдзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. 560 с.
- Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М.: Наука, 2003. 286 с.
- Ставрополь в документах и материалах (1777–2007). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2007. 496 с.
- Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 477 с.
- Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. М.: Интепракс, 1995. 412 с.

REFERENCES

- Anciferov N.P. *Puti izuchenija goroda kak social'nogo organizma* [Ways to explore the city as a social organism]. Leningrad: Sejatel', 1926. 151 p. (in Russian).
- Anciferov N.P. *Nepostizhimyj gorod... Sbornik* [Incomprehensible city ... Collection]. St. Petersburg: Lenizdat, 1991. 335 p. (in Russian).
- Bessmertnyj Ju.L. Spory o glavnom. K itogam mezhdunarodnogo kollokviuma «Shkola "Annalov" vchera i segodnja» [Disputes about the main thing. To the results of the international colloquium «School» Annals «yesterday and today»], in: *Novaja i novejsaja istorija*. 1990. No. 6. P. 123–131 (in Russian).
- Briggs J., Kljevin P. *Evropa Novogo i Novejshego vremeni: s 1789 goda i do nashih dnei* [Europe of the New and Newest Times: from 1789 to the present day]. Moscow: Ves' Mir, 2006. 600 p. (in Russian).
- Brodell' F. *Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv.* [Material civilization, economics and capitalism. XV–XVIII centuries]. In 3 Vols. Moscow: Progress, 1986–1992. 1945 p. (in Russian).
- Gorod v processah istoricheskikh perehodov. Teoreticheskie aspekty i sociokul'turnye harakteristiki* [The city in the processes of historical transitions. Theoretical aspects and sociocultural characteristics]. Moscow: Nauka, 2001. 392 p. (in Russian).

Gorod kak sociokul'turnoe javlenie istoricheskogo processa [The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process]. Edited by Je.V. Sajko. Moscow: Nauka, 1995. 349 p. (in Russian).

Gorod kak fenomen sociokul'turnogo razvitija [The city as a phenomenon of socio-cultural development], in: *Gorod v processah istoricheskikh perehodov. Teoreticheskie aspekty i sociokul'turnye karakteristiki* [The city in the processes of historical transitions. Theoretical aspects and sociocultural characteristics]. Moscow: Nauka, 2001. 392 p. (in Russian).

Le Goff Zh. *Civilizacija srednevekovogo Zapada...* [Civilization of the medieval West]. General edition by Ju.L. Bessmertnii. Moscow: Progress-Akademija, 1992. 376 p. (in Russian).

State archive of Stavropol territory (GASK). F. 128. Inv. 1. D. 47.

Ditjatin I.I. *Ustrojstvo i upravlenie gorodov Rossii* [Design and management of Russian cities]. Vol. 1–2. St. Petersburg: P.P. Merkul'ev's printing office, 1875–1877. Vol. 1, 508 p., Vol. 2, 565 p. (in Russian).

Kabuzan V.M. *Izmenenija v razmeshhenii naselenija Rossii v XVIII – pervoj polovine XIX vv. (po materialam revizij)* [Changes in distribution of the population of Russia in XVIII – the first half of the 20th centuries. (On audit materials)]. Moscow: Nauka, 1971. 190 p. (in Russian).

Kaganskij V.L. Kul'turnyj landshaft: osnovnye koncepcii v rossijskoj geografii [Cultural landscape: the main concepts in Russian geography], in: *Observatorija kul'tury*. 2009. No. 1. P. 62–70 (in Russian).

Kaganskij V.L. Kul'turnyj landshaft (Materialy k slovarju gumanitarnoj geografii) [Cultural landscape (Materials to the dictionary of humanitarian geography)], in: *Gumanitarnaja geografija: Nauchnyj i kul'turno-prosvetitel'skij al'manah* [Humanitarian geography: Scientific and cultural enlightenment almanac]. Resp. edited by I.I. Mitin. Issue 5. Moscow: Institute of Heritage Publ., 2008. P. 243–246 (in Russian).

Kizevetter A.A. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii IX–XIX vv.: istoricheskij ocherk* [Local self-government in Russia XIX–XX centuries: historical essay]. Petrograd: Zadruga, 1917. 119 p. (in Russian).

Kuprijanov A.I. *Gorodskaja kul'tura russkoj provincii. Konec XVIII – pervaja polovina XIX veka* [City culture of the Russian province. End of the XVIII – first half of the twentieth century]. Moscow: Novyj hronograf, 2007. 492 p. (in Russian).

Levickij Ja.A. *Goroda i gorodskoe remeslo v Anglii X–XII vv.* [Cities and urban craft in England of X–XII centuries]. Moscow; Leningrad: SA of USSR Publ., 1960. 298 p. (in Russian).

Pushkareva N.L. Predmet i metody izuchenija «istorii povsednevnosti» [The subject and methods of studying the «history of everyday life»], in: *Jetnograficheskoe obozrenie*. 2004. No. 5. P. 3–19 (in Russian).

Rabinovich M.G. *Oчерki jetnografii russkogo feodal'nogo goroda: gorozhane, ih obshhestvennyj i domashnij byt* [Essays on the ethnography of the Russian feudal city: citizens, their social and domestic life]. Moscow: Nauka, 1978. 328 p. (in Russian).

Repina L.P. «*Novaja istoričeskaja nauka*» i *social'naja istorija* [«New Historical Science» and Social History]. Moscow: IWH RAS Publ., 1998. 278 p. (in Russian).

Rumjanceva M.F. Urbanizacija kak problema sravnitel'no-istoričeskogo issledovanija: metodologičeskie aspekty fenomenologičeskogo podhoda [Urbanization as a problem of comparative historical research: methodological aspects of phenomenological approach], in: *Urbanizacija v formirovanii sociokul'turnogo prostranstva* [Urbanization in the formation of socio-cultural space]. Moscow: Nauka, 1999. P. 57–69 (in Russian).

Rydzjanskij P.G. *Gorodskoe graždanstvo doreformennoj Rossii* [Urban Citizenship of Pre-Reformed Russia]. Moscow: SA of USSR Publ., 1958. 560 p. (in Russian).

Senjavskij A.S. *Urbanizacija Rossii v XX veke: Rol' v istoričeskom processe* [Russian Urbanization in XX Century: Role in Historical Process]. Moscow: Nauka, 2003. 286 p. (in Russian).

Stavropol' v dokumentah i materialah (1777–2007) [Stavropol in documents and materials (1777–2007)]. Stavropol': SSU Publ., 2007. 496 p. (in Russian).

Tihomirov M.N. *Drevnerusskie goroda* [Old Russian cities]. Moscow: State printing house of political literature, 1956. 477 p. (in Russian).

Jastrebičkaja A.L. *Srednevekovaja kul'tura i gorod v novej istoričeskoj nauke* [Medieval culture and the city in a new historical science]. Moscow: Intepriks, 1995. 412 p. (in Russian).